

Слова прозвучали коротко, но весомо. Хлёсткая, леденящая аура мгновенно затопила главный зал, заставив присутствующих зябко поёжиться. Спесь с них тут же сбило.

Старейшина Уцзинь опомнился первым. Он тут же склонился в глубоком поклоне и провозгласил:

— Приветствуем главу ордена, завершившего затворничество!

Стоявшие позади ученики Безжалостной обители мгновенно сориентировались и дружно опустили на колени. Их согласный хор громом прокатился по залу:

— Ученики приветствуют главу ордена, завершившего затворничество!

От этого зычного крика у старейшины и учеников Дворца Небесного Начала заложило уши. Однако приличия обязывали их выступить вперёд и вежливо поприветствовать вошедшего, сглаживая недавнюю неловкость.

— Мо Сяо из Дворца Небесного Начала вместе с учениками поздравляет главу ордена Даохуа с успешным завершением затворничества, — произнёс старейшина Мо, почтительно сложив ладони.

Симин не удостоил их и словом. Его взгляд был прикован к любимому ученику, стоявшему на коленях. Тень у ног главы ордена скользнула вперёд, и каждый его шаг заставлял сердца присутствующих сжиматься от безотчётного страха.

Сильнее всех нервничали гости из Дворца Небесного Начала. Каждому в мире совершенствующихся было известно, что глава Даохуа — один из сильнейших заклинателей современности. Не провали он сто лет назад небесное испытание, из-за чего его развитие откатилось с поздней стадии Великого Объединения до Великого Совершенства этой же стадии, Безжалостная обитель благодаря его вознесению давно бы возглавила список четырёх великих орденов.

Безжалостная обитель не искала союзов и легко удерживала позиции среди великих сект, несмотря на суровые земли. И виной тому был именно глава Даохуа — скорый на расправу и беспощадный ко всем, кто смел перейти ему дорогу.

Видя, что глава Даохуа направляется к ним, старейшина Мо, не желая усугублять положение, нехотя отпустил рукоять меча и заговорил, пытаясь оправдаться:

— Глава ордена, всё совсем не так, как кажется на первый взгляд. Ваш ученик, будучи членом Безжалостной обители, грубо нарушил правила Собрания бессмертных и безжалостно расправился с сотоварищами. Я лишь хотел...

— Столько времени не виделись...

Симин нежно коснулся щеки любимого ученика, будто и вовсе не слышал чужих оправданий. В

его глазах отражалась лишь глубокая, щемящая нежность:

— Как же ты исхудал, Шо-эр.

От этого неожиданного тепла Цинь Шо растерялся. В носу предательски закололо. Он стоял под надёжной сенью Шицзуня, чувствуя, как его окутывает забытое ощущение покоя. Наконец-то у него появился защитник.

Лишённый воспоминаний, он на подсознательном уровне потянулся к этой исключительной заботе. словно обиженный ребёнок, за которого наконец заступился старший, Цинь Шо больше не мог сдерживаться. Комок перехватил горло, и горячие слёзы хлынули из глаз.

— Ши... цзунь, я...

Вся горечь и одиночество, копившиеся с момента потери памяти, разом вырвались наружу. Цинь Шо отчаянно пытался смолчать, но его обжигающие слёзы капали прямо на ладони и расшитые рукава наставника.

“Не бойся. Твой Шицзунь здесь, с тобой ничего не случится, Шо-эр”

Сквозь пелену слёз он смутно видел, как Шицзунь бережно утирает ему лицо.

Вспомнив, что он весь испачкан кровью, Цинь Шо испугался, что испачкает безупречные одежды наставника, и попытался отстраниться. Но резкое движение растревожило раны — в глазах потемнело от боли. Сдавленно охнув, он покачнулся и едва удержался на руках, тяжело и часто задышав.

Симин осторожно перехватил его за запястье. Взгляд скользнул по глубоким, до самых костей, багровым полосам на предплечьях, а затем по всему телу, где изорванные в клочья нижние одежды обнажали жуткое переплетение свежих рубцов. Тень, упавшая от длинных ресниц на бледное лицо Симина, сделалась мрачной и грозовой.

В зале воцарилась удушливая тишина — никто из учеников не смел даже вздохнуть. Все знали, что этот грозный и скорый на расправу глава ордена души не чает в своём старшем ученике, когда-то подобранном в мире смертных. В прежние времена стоило тому просто пожаловаться на зубную боль, и Симин несколько дней не находил себе места, пока не успокоил своего любимца.

Назвать это простой привязанностью наставника к ученику язык ни у кого не поворачивался — слишком уж она граничила с одержимостью. Но и упрекнуть главу в греховных помыслах никто не решался, ведь он сам сосватал юноше суженого. Окружающим оставалось лишь недоуменно качать головами.

Старейшину Мо до глубины души уязвило то, как пренебрежительно его проигнорировали. Он

повысил голос:

— Раз уж остальные малодушно молчат, слово возьму я — гость в вашем доме! Глава Даохуа, ваша слепая любовь к этому мальчишке известна всем, но проступок есть проступок, а убийство — убийство. Нельзя раз за разом выгораживать преступника. Даже будучи главой Безжалостной обители, вы не имеете права злоупотреблять властью и укрывать убийцу!

После этих слов между людьми из Дворца Небесного Начала и старейшинами Безжалостной обители пролегла невидимая черта. Встречные взгляды скрестились, словно обнажённые клинки, и в воздухе запахло грозой.

Старейшина Уцзинь, разумеется, не стал отмалчиваться и тут же парировал:

— Кто бы говорил о злоупотреблениях! Не Дворцу ли Небесного Начала читать нам нотации? В поднебесном мире всего двенадцать духовных жил. Каким же образом ваш орден, прикрываясь влиянием клана Цзинь, прибрал к рукам целых восемь? Не желает ли старейшина Мо прояснить этот занимательный вопрос?

Старейшина Мо высокомерно отвернулся и отчеканил:

— Сегодня мы собрались, чтобы разрешить личную обиду, а не обсуждать дела орденов.

— Хорошо, — негромко отозвался Симин.

Он закончил направлять целебную духовную силу в израненное тело ученика, поднялся и неспешно повернулся к гостям. Его лицо оставалось бесстрастным, словно застывшая гладь глубокого озера.

— Пусть будет по-вашему — поговорим о личном. Позвольте узнать, что именно уважаемые гости из Дворца Небесного Начала вкладывают в понятие «расправа над братьями»?

Не успели посланники Дворца открыть рот, как за них ответил старейшина Уцзинь:

— Они явились из-за молодого преемника клана Цзинь, прибывшего на Собрание бессмертных. В первом испытании Цинь Шо оказался с ним в одном отряде. Но затем, когда дело дошло до борьбы за змеиное сердце, этот юноша и мой ученик Фэн Си... оба были найдены мёртвыми у глубокого омута. Их тела были испещрены следами от меча. Свидетели утверждают, что в живых остался один лишь Цинь Шо. Кто ещё мог сотворить подобное?

— И это всё? — Симин выслушал его с поразительным спокойствием. Он слегка сжал ладонь плачущего Цинь Шо, и на его губах появилась едва заметная, безмятежная улыбка.

— Если всё обстояло именно так, как вы описываете, то я не вижу здесь никакой беды. Собрание бессмертных — это прежде всего состязание за первенство. В пылу борьбы ранения и смерти неизбежны. В чём же вина моего ученика?

По залу прокатился волной приглушённый вздох. Собравшиеся ошарашенно уставились на главу ордена. Подобное покровительство граничило с безумием; даже старейшина Уцзинь, знавший Сими́на дольше всех, на мгновение лишился дара речи от такой наглости.

— К тому же в этот раз от когтей духовных зверей пало немало юношей, — продолжил Симин. Он смотрел в упор на старейшину Мо, но обращался к Уцзиню: — Если же кто-то погиб от руки равного себе заклинателя, то виной тому лишь его собственная слабость. Уцзинь, тебе стоит приложить больше усилий для обучения своих подопечных.

Лицо старейшины Мо пошло багровыми пятнами, пальцы до хруста сжали кулаки, но возразить на эти жестокие, но формально верные слова ему было нечего.

Договорив, Симин вновь повернулся к Цинь Шо, и в его взгляде вновь вспыхнула тёплая нежность:

— Ступай в Дворец Чистой Ночи, Шо-эр. Твой Шицзунь давно тебя не видел. Как только я закончу здесь дела, сразу же навещу тебя.

Оглядевшись по сторонам, Цинь Шо понял, что с его глубокими ранами оставаться в центре разборки бессмысленно. Он послушно кивнул и, сильно прихрамывая, медленно пошёл в сторону внутренних покоев.

Присутствующие молча провожали взглядами уходящего «виновника» трагедии. Старейшина Мо, не желая мириться с таким исходом, рванулся вперёд, чтобы преградить юноше дорогу, но невидимая волна сокрушительной духовной энергии с силой отбросила его руку назад. В тот же миг в его сознании прозвучал ледяной голос главы ордена:

“Я назвал вас старейшиной лишь из вежливости. Прошу вас знать меру”

Старейшина Мо резко обернулся и гневно хмыкнул:

— Слишком велика честь, боюсь, не заслужил я столь уважительного обращения от самого главы Даохуа!

Лишь когда силуэт Цинь Шо окончательно скрылся за тяжёлой портьерой, Симин перевёл взгляд на гостей из Дворца Небесного Начала. Он молчал, и на его губах блуждала едва заметная улыбка.

Температура в главном зале стремительно упала. Из рта присутствующих повалили густые клубы пара, а потолочные балки мгновенно подёрнулись изморозью и обросли острыми ледяными иглами. В считанные секунды одежда на людях покрылась тонкой ледяной коркой, холод пополз от ног к груди, заставляя всех мелко дрожать.

И в эту же секунду в головах у каждого из присутствующих раздался ровный, пробирающий до

костей мысленный посыл главы Даохуа:

“Старейшина Мо столь отважен, что всерьёз рассчитывает покинуть эту обитель целым и невредимым после того, как посмел поднять руку на моего любимого ученика?”

Пронизывающий холод впился в плоть. Старейшина Мо побелел, мощным толчком духовных сил стряхнул с себя наледь и яростно уставился на хозяина дворца:

— Неужели Безжалостная обитель решила объявить войну Дворцу Небесного Начала?

Симин снисходительно улыбнулся:

— Что за странные речи? Разве Дворец Небесного Начала не всегда спал и видел, как бы стереть наш орден с лица земли?

В наступившей мёртвой тишине отчётливо слышалось каждое, даже самое тихое дыхание. Глава ордена чеканил каждое слово, глядя прямо в глаза противнику:

— Безжалостная обитель всегда платит по долгам. Если бы старейшина Мо желал лишь справедливости, ему не стоило устраивать это представление. Я бы счёл это возможностью укрепить мир между нашими орденами и компенсировал бы ваши потери. Но коли вы явились сюда лишь ради того, чтобы затеять ссору, не обессудьте: я буду рассматривать этот визит как прямое объявление вражды.

Воздух в зале стал настолько ледяным, что волосы присутствующих заиндевели. На лицах гостей застыло мрачное выражение. Старейшина Мо ощущал, как его ладони лопаются от сдерживаемой боли под напором чужой ауры. Понимая, что дальнейшие споры бессмысленны, он злобно хмыкнул, круто развернулся и, взмахнув рукавами, стремительно направился к выходу. Ученики поспешили за ним.

В морозном воздухе повисла лишь сухая, сквозь зубы брошенная фраза:

— На сегодня довольно. Глава Даохуа, мы ещё встретимся.

Вскоре последние гости покинули обитель, и в просторном зале стало просторнее. Едва снаружи затих свист улетающих мечей, молодые ученики Безжалостной обители шумно повалили вперёд, наперебой пытаясь заговорить со своим предводителем.

— Глава, когда же вы вышли из затвора? Почему никто не знал!

— Да не толкайся ты, дай мне пройти!

— Старейшина Уцзинь говорил, что это случится только через полмесяца!

— Кто знает, верно, тренировки прошли успешно, вот он и закончил раньше.

Обычно не то что внешние, но даже внутренние ученики годами не видели главу ордена. Они дорожили каждой секундой, надеясь вымолить хотя бы слово наставления — ведь даже мимолётный совет столь великого мастера мог в корне изменить судьбу любого заклинателя ниже стадии Преодоления Скорбей.

Живым доказательством тому служил Цинь Шо — вчерашний нищий оборванец, ставший ныне первым учеником Безжалостной обители.

Однако Симин не собирался тратить время на пустую болтовню. Одним лишь строгим взглядом он велел всем удалиться, давая понять, что намерен переговорить со старейшиной Уцзинем с глазу на глаз. Как бы ученикам ни хотелось остаться, им пришлось смиренно разойтись.

Когда огромный зал наконец опустел, над медным треножником потянулась тонкая струйка благовоний, вторя мерным ударам полуденного колокола.

Сизый дым окутал их фигуры, делая лица неразличимыми, а разговор — таинственным.

— Уцзинь, ты помнишь, о чём я просил тебя перед тем, как уйти в затвор? — тихо спросил Симин.

Его взгляд упал на зажатую в кулаке собеседника плетъ. Острые шипы, покрытые свежей кровью, выглядели устрашающе. Уцзинь смутился под этим взором и поспешно убрал оружие за спину, пытаясь оправдаться:

— Твой любимчик совсем отбился от рук. Я лишь преподавал ему пару уроков...

Симин забрал плетъ из его рук. Под его мягким прикосновением кровь с шипов бесследно испарилась, уступив место чистому сиянию. Он негромко спросил:

— Помнишь, каким А-Шо пришёл к нам в орден?

Уцзинь не понимал, к чему клонит друг, но послушно пустился в воспоминания:

— Разумеется. В свои десять лет он выглядел заморышем от силы на семь. Поначалу панически боялся купален, тебе приходилось силой заносить его в воду на руках. До того как научился обходиться без земной пищи, он мёл всё подряд — подчистил едва ли не все запасы внешних учеников, но всё равно жаловался на голод. Я самолично ловил его по ночам на кухне: он набивал рот пампушками, да ещё и за пазуху прятал. Спросишь его, для кого таскает, а он бормочет, что нужно оставить другу, а какому — и сам не помнит. Настоящий дикарь, капризный и прожорливый оборванец. До сих пор не пойму, зачем ты его приютил.

Симин мягко улыбнулся:

— Разве не в мирских желаниях и чувствах кроется истинная прелесть живой души?

Уцзинь фыркнул:

— Хочешь сказать, все остальные в Безжалостной обители — бесчувственные брёвна, и один твой А-Шо живой?

Вновь воцарилось молчание. Клубы ладана рассеялись, обнажая утончённые, точно высеченные из нефрита черты лица Симина. Он опустил ресницы и тихо рассмеялся — в этот миг его суровое величие уступило место почти человеческой мягкости:

— А-Шо вырос у меня на руках. Разумеется, он для меня особенный.

Прошлое пронеслось перед глазами, бередя запрятанные в самой глубине сердца тайны.

— На самом деле он куда послушнее, чем тебе кажется. Он никогда не жалуется, пока боль не станет совсем невыносимой.

Он бережно провёл пальцами по шипам на плети. Его голос сделался совсем тихим:

— Когда он только попал в орден, его тело было сплошной раной. Он избегал купален лишь потому, что вода причиняла ему нестерпимую боль. Но он так боялся разгневать меня, что терпел до последнего, пока я сам всё не заметил. Чтобы раны затянулись быстрее, я заставил его принимать целебные отвары — а это куда мучительнее простой воды. Он каждый раз плакал от боли и часами дрожал под одеялом. Понадобился целый месяц, прежде чем он полностью поправился... Уцзинь, как у тебя рука поднялась обречь его на те же муки?

Эти слова заставили Уцзиня поёрзать на месте, но он упрямо стоял на своём:

— Ты просто не знаешь, что он вытворял! Это же сущий произвол! На него смотрели сотни учеников. Если бы я его не наказал, от авторитета Безжалостной обители не осталось бы и следа! Как бы тогда смотрели на тебя, нашего главу?

Симин аккуратно отложил плеть в сторону.

— У тебя всегда найдутся оправдания, — вздохнул он.

Тут уж Уцзинь отбросил всякую чинность, заговорив просто как старый приятель:

— Симин, мы основывали этот орден вместе. Неужели ты собираешься отчитывать меня из-за двухсотлетнего мальчишки?

— Мы старые друзья, нам не за что винить друг друга, — Симин посмотрел на него с грустной улыбкой. — А-Шо вырос, у него свой путь. Если ты не можешь простить его, как прощаю я, то хотя бы не причиняй ему вреда.

— Всё из-за той печати-ограничения?

Заметив кивок Симина, старейшина нахмурился и тяжело вздохнул:

— Пусть так, но это лишь твоя забота. Ты и представить не можешь, сколько бед он принёс,

пока ты был в затворе. Сперва ворвался в Павильон Сокрытого Оружия за мечом Сокровенного Света и лишил жизни двоих стражей. Затем на Собрании бессмертных ввязался в драку за змеиное сердце и убил моего преемника. Вдобавок он умудрился сцепиться с этим несносным избалованным щенком из клана Цзинь! Дворец Небесного Начала и так спит и видит, как бы подмять под себя остальные ордены, а твой ученик сам полез к ним на рожон...

Он снова сокрушённо покачал головой:

— Слава небесам, ты прервал уединение вовремя. Иначе эти стервятники живьём бы нас сожрали.

— Дворец Небесного Начала прислал гонцов не с миром, да и клан Цзинь не так прост. Это лишь начало, настоящие трудности впереди.

Уцзинь хотел было согласиться, но вдруг осёкся:

— Постой. Ты ведь должен был закончить медитацию только после завершения Собрания бессмертных. Почему же ты явился сегодня?

Симин ладонью коснулся нефритового жетона на своём поясе, на котором красовался вырезанный иероглиф «Шо».

— Мой ученик попал в беду, — негромко проговорил он. — Как я мог оставаться в стороне?

Он помолчал и добавил:

— К тому же, Уцзинь... при гостях из Дворца я не мог сознаться. Моё затворничество прервалось не потому, что я преуспел. Я так и не сумел до конца совладать с внутренними демонами.

До Уцзиня наконец дошёл весь ужас положения, и по его спине пробежал ледяной пот:

— Симин... ты совершил насильственный прорыв и прервал медитацию ради этого мальчишки?!

Сизый дым вновь скрыл их лица, а в тёмном углу залы едва заметно шевельнулась тень.

— Вина лежит не на А-Шо, была и иная причина, — Симин спрятал жетон в рукав. — Тебе известно, что Дворец Небесного Начала давно зарится на наши земли. Могущество клана Цзинь растёт с каждым днём, а клан Сяо наступает им на пятки. Сегодняшний визит — не более чем предлог. Смерть молодого господина Цзинь послужила отличной зацепкой, чтобы попытаться прибрать к рукам Безжалостную обитель.

Тень скользнула вдоль стены, и тихий голос наставника продолжил:

— Не окажись меня на месте, этот зал уже сегодня утонул бы в крови.

Воздух будто окаменел. Выдержав долгую паузу, Уцзинь набрал в грудь воздуха и решился высказать то, что давно лежало на душе:

— Симин, я должен говорить начистоту. Цинь Шо дорог тебе, спору нет. Но ты обязан помнить: ты не просто его наставник. Ты глава целого ордена Безжалостной обители. И груз, что лежит на твоих плечах, несопоставим с заботой об одном-единственном юноше.

— Я знаю это, — голос Симины упал до едва различимого шёпота, растаявшего в тишине зала:
— Но человек — не сухой камень. Как можно отказаться от чувств?

Уцзинь вновь сокрушённо вздохнул, угадывая метания друга:

— Чрезмерное увлечение губительно, Симин. Ни к чему хорошему это не приведёт.

“Симин, почему ты боишься признаться себе?”

Симин отвёл взгляд и посмотрел на зеркальные плиты пола. В углу зала сгустилась чёрная дымка. Она медленно приняла его собственное обличье и бесшумно двинулась навстречу:

“Неужели ты и впрямь не испытываешь к своему ненаглядному ученику совсем не платонических чувств?”

— Симин!

Окрик Уцзиня вернул его к действительности. Чёрный туман мгновенно растаял, словно его и не бывало. Угол зала пустовал, лишь резные тени от перил ложились на холодный пол.

Стряхнув наваждение, Симин услышал голос друга:

— Ты уже решил, что делать с А-Шо? Собрание бессмертных завершится через несколько дней, скоро придут отчёты. Быть может, тебе стоит воспользоваться этим и вновь уйти в затвор?

Симин понимающе улыбнулся:

— Спасибо тебе за заботу обо всём. Я отправлюсь в Дворец Чистой Ночи и поговорю с А-Шо. Как только приму решение, сразу сообщу тебе, чтобы ты мог дать ответ ученикам.

Старейшина хмыкнул и понимающе сощурился:

— Куда деваться. Столько веков дружбы, приходится терпеть твои чудачества.

На этом они расстались. Сизый дым в зале рассеялся, оставив лишь остывающий треножник и едва заметную чёрную тень, которая змеей скользнула во внутренние покои дворца.

Дворец Чистой Ночи

В купальне негромко плескалась вода. Лёгкий тюль у кромки бассейна плавно колыхался от сквозняка. Полупрозрачная ткань, скрывавшая очертания тела, будоражила воображение куда сильнее полной наготы.

Сквозь клубы тёплого пара слышались тихие шаги. Мягкие отсветы заходящего солнца дрожали на стенах. Симин медленно шёл вперёд, бережно раздвигая струящиеся шёлковые занавеси одну за другой.

Нежный шёлк скользнул по ладони. За последней завесой Симин разглядел покачивающийся в воде силуэт. Юноша давно перестал быть ребёнком — его фигура крепла, наливаясь той зрелой, притягательной силой, которая невольно будила в душе тёмные желания. Только сейчас Симин по-настоящему осознал: его А-Шо вырос.

Перед ним больше не было того колючего, диковатого волчонка-оборванца. И не было робкого маленького ученика, который прятался у него на груди и сквозь слёзы жаловался на разболевшийся зуб.

Теперь А-Шо стал великим первым преемником ордена, чьё мастерство владения мечом едва ли уступало искусству самого Сун Ваньчэня. Он обрёл собственный характер и непреклонную волю, заставлявшую его до конца бороться за то, что он считал своим.

Он умел торжествовать, умел гордиться своими победами и был готов расшибиться в лепёшку ради того, кто завладел его сердцем, лишь бы дожидаться ответного взгляда.

Но сможет ли этот новый, сильный А-Шо остаться рядом с ним?

Если Пик Вечной Разлуки потребует исполнения брачного договора, неужели ему, наставнику, придётся безучастно смотреть, как его любимец связывает свою судьбу с другим? Неужели он будет обречён изо дня в день воображать, как его нежный, хрупкий А-Шо, который так боялся малейшей боли и засыпал лишь у него на груди, безропотно отдаётся законному супругу?

Мысли Симины смешались. Понимая всю греховность этих чувств, он попытался отвести взор, но в зеркальной глади стены отразился тёмный силуэт. Плотная чёрная дымка соткалась в его точную копию и насмешливо прошептала:

“Отчего же ты медлишь? Или боишься подойти к нему?”

Симин попытался заглушить этот шёпот, но в самой глубине души понимал: его отношение к ученику давно перешагнуло черту дозволенного.

Когда же всё изменилось?

“Тебе не должно быть дела до его мыслей — призрак скользнул прочь от зеркала и направился к купальне, бесшумно погружаясь в тёплую воду. — Ты его наставник. Ты вправе владеть им”

Сквозь колышущийся шёлк Симин видел, как рука, сотканная из тьмы, ласково скользит по влажной спине Цинь Шо, опускаясь всё ниже. Голос призрака искушал, лишая воли:

“Вправе подчинить его себе — и разум, и тело...”

Бешеное сердцебиение выдавало его волнение. Внезапная резкая боль от искажения меридианов вернула Симину ясность рассудка. Взгляд его прояснился. Быстро прошептав очищающее заклинание, он резким пассом руки разбил в прах чёрный силуэт в бассейне.

Подозрительный шорох заставил Цинь Шо насторожиться. Он обернулся и сквозь слои колышущегося шёлка, на котором дрожали солнечные блики, разглядел знакомый силуэт.

Медленно подплыв к краю бассейна, он нерешительно позвал:

— Шицзунь?

Силуэт вздрогнул, но не обернулся. Из-за занавеси донёсся его тихий, ласковый голос:

— Омылся, Шо-эр? Позволь мне взглянуть на твои раны.

Юноша поспешно отвёл взгляд:

— Не стоит, Шицзунь. Порезы в таких... неудобных местах. Я сам справлюсь с мазью.

— Вот как... — в голосе наставника послышалась лёгкая грусть. — Раньше ты во всём полагался на меня. Теперь ты вырос, и мне трудно привыкнуть к твоей самостоятельности.

— Я... — уловив тоску в голосе Симины, Цинь Шо заволновался. Боясь сказать глупость, он быстро выбрался из воды, накинул сухие нижние одежды и с мокрыми, спутанными волосами шагнул из-за ширмы. Оказавшись перед наставником, он смущённо забормотал: — Я вовсе не это имел в виду, Шицзунь! Просто... не хотел утруждать вас такими пустяками.

Симин тепло улыбнулся и ласково посмотрел на него:

— Дворец Чистой Ночи слишком пуст и холоден, Шо-эр. Твои визиты — единственная радость для меня.

Он снял с вешалки сухое полотенце и принялся бережно промакивать влажные пряди юноши, приговаривая:

— Ступай, оботрись хорошенько и оденься. У меня есть к тебе важный разговор.

Приятное тепло разлилось по груди Цинь Шо, согревая израненное сердце. В его сознании неожиданно вспыхнуло воспоминание. Такой же мягкий полуденный свет, тот же наклон головы... Прошлое увлекло его за собой, унося в глубины ушедших лет.

В этом видении он был совсем мал и преданно заглядывал в лицо наставника, силясь поймать взгляд его смеющихся глаз.

— Шо-эр сегодня прилежно занимался. Какую награду ты хочешь получить от Шицзуня?

Цинь Шо услышал собственный тонкий, детский голосок:

— Шицзунь, я хочу научиться летать на мече!

Симин весело рассмеялся:

— Мой глупый малыш ещё не достиг стадии Заложения Основ. Без достаточного количества духовных сил тебе не удержаться на клинке.

— Тогда... тогда можно мне хотя бы собственный меч?

В робком вопросе сквозила затаённая детская надежда.

— Что ж, дай-ка подумать. Тебе сейчас шестнадцать. Через четыре года, на твоё двадцатилетие, я подарю тебе настоящий духовный клинок, — голос наставника звучал так мягко, словно он никогда бы не посмел отказать ему.

— Только не обычный! Я хочу меч, который Шицзунь выкует для меня своими руками!

Маленький Цинь Шо капризно надул губы, уверенный, что ему потакают во всём.

— Вот как... Но тогда тебе придётся набраться терпения.

— А долго — это сколько?

— Быть может, двести лет, а быть может, и две тысячи. Но если я подарю тебе клинок, он непременно будет лучшим в поднебесном мире.

Мальчик восторженно захлопал в ладоши:

— Тогда пускай его зовут Сокровенный Свет!

— Отчего же именно так?

— Имя Шицзуня означает «утренний рассвет». А Сокровенный Свет станет лучом во тьме ночной. Так вы будете со мной и днём, и ночью, и никогда меня не покинете!

Симин ласково улыбнулся и тихо произнёс:

— Что бы ни случилось в мире, я всегда буду оберегать тебя.

— Навсегда?

— Навсегда.

Тёплые лучи заходящего солнца растаяли вместе с этим обещанием, и картина прошлого послушно скрылась в глубинах памяти, словно захлопнулась тяжёлая створка окна.

Очнувшись, Цинь Шо обнаружил, что уже переоделся и стоит у порога спальных покоев. На душе было беспокойно.

Он гадал, поверит ли наставник нелепым обвинениям в убийстве соучеников, и сомневался, стоит ли раскрывать правду о своей потере памяти.

Впрочем, если судить по обрывкам воспоминаний, Шицзунь без памяти любил его. Ему незачем было плести интриги и лгать, в отличие от прочих обитателей ордена.

К тому же в его странных сновидениях наставник ни разу не появлялся.

Немного успокоившись, Цинь Шо вежливо постучал в дверь:

— Шицзунь, могу я войти?

— Здесь никого нет, входи без церемоний.

Переступив порог, юноша увидел, что Симин заваривает чай. Наставник ласково пододвинул к нему пиалу:

— Попробуй, это твой любимый чай Лунцзин.

Аромат действительно показался Цинь Шо знакомым. Поколебавшись мгновение, он решил ничего не утаивать и честно признался, что ничего не помнит.

Впрочем, он умолчал о маленьком лисёнке и загадочных голосах в своей голове, да и жаловаться на враждебность соучеников не стал.

Симин на миг замер, но удивления не высказал. Напротив, он будто бы с облегчением вздохнул:

— Стало быть, и о Ваньчэне ты тоже позабыл?

Цинь Шо покачал головой:

— Почти ничего не помню. Лишь когда другие называют его имя, в мыслях всплывают смутные образы.

— Позабыл — и ладно, — пробормотал Симин, опустив взор. Затем он вновь ласково улыбнулся: — Не бог весть какое важное событие. Главное, чтобы ты всегда помнил своего Шицзуня.

Юноша хотел было признаться, что и самого наставника видит словно впервые, но столкнувшись с его затуманенным, пепельно-серым взглядом, застыл, точно очарованный. Слова застряли в горле. Скрыв правду, он поспешно перевёл разговор на другое:

— Шицзунь, а как быть с обвинениями касательно Павильона Сокрытого Оружия и Собрания бессмертных?

Симин мягко прервал его:

— Если мой А-Шо говорит, что не повинен, я никогда не поверю наветам. — Его губы тронула тёплая улыбка. — Да даже будь это правдой, я никому не позволю причинить тебе вред.

Горячий пар от чая приятно щекотал лицо. Цинь Шо растерянно молчал, гадая, каково это — быть чьим-то любимцем. Но если наставник так дорожил им прежде, как же он допустил, чтобы любимый ученик получил столь тяжёлые раны и лишился памяти?

Вопросы теснились в его голове, и он уже открыл рот, чтобы выпросить обо всём, как вдруг снаружи раздался незнакомый голос:

— Докладывают ученики! Старейшина Уцзинь просил нас со старшим братом Баем передать главе ордена срочное известие. Дозволено ли войти?

— Войдите, — отозвался Симин.

В покои вошли дежурный ученик из Павильона Сокрытого Оружия и Бай Юй. Цинь Шо мгновенно почувствовал неладное.

И не ошибся. Отдав положенные поклоны, прибывший ученик робко покосился на Цинь Шо, затем на главу ордена, не зная, как начать разговор.

Бай Юй, заметив его нерешительность, сделал шаг вперёд и взял слово:

— Позвольте доложить, Шицзунь. Старейшина Уцзинь только что провёл проверку в Павильоне Сокрытого Оружия. Было обнаружено, что с третьего яруса пропали несколько священных артефактов. Среди них — Свиток Пророчества и Колокольчик, Призывающий Сны. Третий же предмет ещё не успели внести в реестр, так что его природа пока не установлена.

Стоявший позади дежурный торопливо добавил:

— Стража уверяет, что накануне Собрания бессмертных на третий ярус поднимался лишь старший брат Цинь Шо. Больше туда никто не входил. Старейшина Уцзинь велел немедленно известить вас, глава ордена. Вот книга учёта, прошу вас взглянуть. — С этими словами он почтительно протянул тонкую тетрадь.

Симин забрал реестр и принялся неторопливо перелистывать страницы. Увидев красные отметки напротив пропавших вещей, он слегка нахмурился.

Тишина давила на плечи. Цинь Шо казалось, что стук его собственного сердца эхом разносится по покою. Он посмотрел на стоявшего напротив Бай Юя, и в его памяти вдруг всплыли слова, некогда сказанные Сун Ваньчэнем.

"Неужели все эти странные намёки и ловушки перед началом состязаний затевались лишь ради того, чтобы сегодня повесить на меня кражу артефактов?"

"Но если я укажу на Сун Ваньчэня, станет ли он выгораживать меня и подтвердит ли, что ценности пропали задолго до этого?"

"Или же Сун Ваньчэнь с самого начала был заодно с Бай Юем? В таком случае помощи от него ждать глупо".

Но тогда почему во время суматохи в Павильоне Сокрытого Оружия Сун Ваньчэнь, который мог преспокойно уйти, вдруг пообещал, что спасёт его?

Пока Цинь Шо метался в догадках, он совершенно упустил из виду пристальный, обжигающий взгляд Бай Юя, устремлённый на него.

"Старший брат, ты только что из купальни?"

Голос Бай Юя прозвучал прямо в его сознании. Не успел Цинь Шо поднять голову, как мысленный шёпот раздался вновь:

"Вода капает с твоих волос, весь воротник уже промок"

Цинь Шо невольно коснулся шеи и действительно нащупал влагу — должно быть, он плохо вытер голову. Он попытался смахнуть капли ладонью, но толку от этого не было.

— Позволь мне помочь тебе, старший брат.

Бай Юй вытащил из рукава платок и уже потянулся к нему, но его остановил холодный голос Симины:

— Тебя зовут Бай... как бишь там?

Бай Юй вежливо отступил и с безупречной улыбкой поклонился:

— Шицзунь, имя этого ученика — Бай Юй.

— Ах да, Бай Юй. — Симин отложил тетрадь в сторону. — Здесь сказано, что два месяца назад ты временно присматривал за Павильоном Сокрытого Оружия вместо А-Шо.

— Верно. Старший брат просил меня об этом, и я не смел перечить.

— Какая поразительная скромность, — в голосе Симины прозвучала едва уловимая насмешка.
— И давно ли у А-Шо появилась привычка перекладывать свои заботы на чужие плечи?
Странно, что я об этом ничего не знал.

— Пока вы пребывали в затворе, Шицзунь, старший брат от скуки частенько заглядывал ко мне побеседовать. Он сетовал на невыносимую тоску службы в Павильоне Сокрытого Оружия и просил подменить его. Видя его терзания, я решил помочь.

Бай Юй говорил столь гладко и убедительно, что даже сам Цинь Шо не смог бы упрекнуть его во лжи, не говоря уже о Симине, который провёл последние годы в уединении.

Поколебавшись, стоявший у дверей дежурный ученик нарушил затянувшееся молчание:

— Глава ордена, как же нам поступить с пропажей?

— Не стоит спешить, — Симин сделал глоток чая и небрежно смахнул крышечкой пиалы набежавшую пену. — Ступайте. Я сам во всём разберусь.

Ученики переглянулись, почтительно поклонились и бесшумно покинули покои.

Едва двери за ними закрылись, Цинь Шо поспешил опуститься на колени, чтобы объяснить, пока наставник не вынес приговор. Однако Симин крепко перехватил его за запястье, не дав коснуться пола.

Юноша удивлённо поднял глаза. На лице Симины читалась абсолютная уверенность:

— А-Шо, я знаю, что ты к этому непричастен.

Цинь Шо с облегчением выдохнул, но следующие слова наставника заставили его насторожиться:

— Но Дворец Небесного Начала не оставит нас в покое. Мне вскоре придётся вернуться к медитациям, а без моей защиты оставаться в Безжалостной обители для тебя слишком опасно. Пожалуй... тебе стоит воспользоваться этим предложением и отправиться в мир смертных, чтобы переждать бурю.

От мысли о свободе у Цинь Шо сладко заныло в груди, но он тут же вернулся к реальности:

— Если я покину орден сейчас, это вызовет подозрения. Под каким предложением вы отпустите меня, Шицзунь?

Симин заговорщически улыбнулся:

— Раз уж тебя обвиняют в утере священных предметов, мы объявим, что ты отправляешься искупать вину. Твоей задачей станет отыскать пропажу в мире смертных. Это позволит нам выиграть время для настоящего расследования, а ищейки из Дворца не смогут до тебя добраться.

Юноша задумался:

— Но действительно ли они спрятаны среди смертных? Если я вернусь ни с чем, это лишь усугубит моё положение.

— Кое-какие зацепки у нас есть, — Симин аккуратно вырвал три листа из книги учёта и протянул их Цинь Шо. — Перед тем как запереть артефакты в хранилище, мы сохранили по крошечному осколку каждого из них на этих страницах. С их помощью ты сможешь отыскать пропажу. Колокольчик, Призывающий Сны, — случай особый, но два других предмета ты легко почувешь в радиусе трёх ли.

Поняв, что наставник уверен в успехе, Цинь Шо бережно припрятал листки в свой расшитый мешочек-хранилище. Тяжёлый груз спал с его плеч, и он искренне улыбнулся:

— Благодарю вас, Шицзунь.

— К чему эти церемонии между нами? — Симин ласково коснулся его щеки и слегка придвинулся ближе. — Мой А-Шо стал таким вежливым. Тебе следует почаще радовать своего наставника вниманием.

Они сидели так близко, что Цинь Шо чувствовал чужое дыхание на своей коже. Тёплый воздух приятно щекотал губы. Стоило ему лишь немного приподнять голову, как его ресницы

соприкоснулись бы со светлыми, точно серебряными нитями, ресницами наставника. Симин медленно склонялся к нему.

Но в самое последнее мгновение тишину покоев бесцеремонно нарушил звонкий голос из-за дверей:

— Сун Ваньчэнь с Пика Вечной Разлуки приветствует главу Даохуа!

В глазах Симины на миг промелькнуло раздражение, но он тут же вернул лицу безмятежное выражение. Легонько потрепав Цинь Шо по щеке, он отстранился и негромко, с подобающим главе ордена величием, бросил:

— Войди.

Услышав имя Сун Ваньчэня, Цинь Шо внутренне напрягся. Он не догадывался, зачем тот пожаловал во дворец, и решил помалкивать, внимательно наблюдая за происходящим.

Сун Ваньчэнь переступил порог, держа меч в ладони. Опустившись на одно колено, он почтительно склонил голову. Его голос звучал ровно и сухо, но в словах чувствовалась непреклонная решимость:

— Прошу главу ордена позволить мне сопровождать А-Шо в мир смертных. Мы обручены, и его невзгоды — мои невзгоды. Каков бы ни был исход этого дела, я разделю с ним любую кару.

Это заявление в корне ломало все прежние теории Цинь Шо. Он окончательно запутался в мотивах этого человека. Чтение мыслей на здешних заклинателях почему-то не работало, так что приходилось полагаться лишь на интуицию.

Симин окинул Сун Ваньчэня долгим, изучающим взглядом:

— Стало быть, ты подслушивал наш разговор?

— Да, мне удалось расслышать некоторые детали, — честно признался Сун Ваньчэнь и поднял глаза на главу. — Прошное недоразумение в Павильоне Сокрытого Оружия произошло по моей вине, и А-Шо затаил на меня обиду. Я лишь хочу искупить свой промах.

— Красивые речи горазд говорить каждый, — Симин повернулся к Цинь Шо и ласково погладил его ладонь. — Что скажешь, А-Шо? Если его поступки уязвили тебя, мы можем разорвать этот брачный союз. Тебе незачем уходить, оставайся со своим Шицзунем.

—... Что? — на лице Сун Ваньчэня отразилось такое неподдельное потрясение, какого Цинь Шо ещё никогда у него не видел. Это зрелище изрядно его позабавило. Сначала он хотел было отказаться от навязчивого попутчика, но, встретив его умоляющий взгляд, заколебался.

С одной стороны, верный и сильный помощник в мире смертных ему точно не повредит — это

лучше, чем блуждать вслепую в одиночку. К тому же Сун Ваньчэнь явно знал о его прошлом куда больше прочих. Возможно, во время странствий ему удастся выведать у него крупницы правды.

— Шицзунь, давайте пока отложим разговоры о помолвке. Мы решим, стоит ли нам связывать свои судьбы, когда вернёмся назад.

Цинь Шо благоразумно оставил себе путь к отступлению. Ему совсем не улыбалось ссориться с попутчиком в дороге, да и связывать себя узами брака с малознакомым человеком казалось чистой глупостью. Подобные решения следовало принимать на трезвую голову.

Иными словами, Сун Ваньчэню ещё предстояло пройти проверку, но в качестве спутника он вполне годился.

Гордый и неприступный Сун Ваньчэнь заметно помрачнел, услышав столь пренебрежительный ответ. Однако, к огромному удивлению Цинь Шо, он не стал возражать и лишь молча проглотил обиду.

Симин, казалось, разгадал их безмолвную игру. Поглаживая пальцы Цинь Шо, он холодно бросил преклонившему колени юноше:

— Ваньчэнь, помни: я отпускаю А-Шо с тобой не из-за твоих мнимых достоинств. Единственная причина — его собственное желание.

— Этот младший понимает, — негромко отозвался тот.

Симин снисходительно хмыкнул, и его взгляд сделался глубоким и пугающим:

— Если наступит день, когда мой А-Шо скажет, что разлюбил тебя, ты можешь хоть тысячу раз расшибить лоб у моего порога — я больше никогда не позволю тебе даже взглянуть на него. Тебе всё ясно?

Сун Ваньчэнь прекрасно расслышал скрытую угрозу. Желая доказать искренность своих намерений, он обнажил клинок, полоснул себя по ладони и, сжав окровавленный кулак, произнёс священную клятву:

— Слова главы ордена навек останутся в моём сердце. Если я хоть в чём-то предам доверие А-Шо, пусть моя душа будет обречена на вечные муки перерождений, пусть я буду тенью следовать за ним из жизни в жизнь и никогда не обрету покоя!

Едва прозвучало последнее слово клятвы, Симин нехотя отпустил руку Цинь Шо. Но его взор, исполненный щемящей нежности, ещё очень долго покоился на лице ученика — словно он пытался навсегда запечатлеть этот облик в своей памяти, предчувствуя долгую разлуку.

Лишь когда за окном тревожно зашелестели ветви деревьев, наставник ласково улыбнулся и

кивнул, отпуская их:

— Ступай, А-Шо. Твой Шицзунь будет ждать твоего возвращения из мира смертных.

<http://bllate.org/book/20094/1998515>